

3. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / 4-е международное издание: СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, Издательский дом "НЕВА"; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
4. Ліповецки Ж. Споживання і гедонізм: до постмодерністського суспільства // *Ї: Незалежний культурологічний часопис*. – Львів, 2002. – №25: "Насильство. Влада. Терор". – С. 133 – 148.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Издательская корпорация "Логос", 1998. – 280 с.
6. Кармин А.С. Основы культурологии: мифология культуры. – СПб.: Издательство "Лань", 1997. – 512 с.
7. Дроздов О.Ю. Телебачення як джерело впливу на соціальну спрямованість молоді // *Психолого-педагогічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України, 12 листопада 1998 р.* – К.: Гнозис, 1998. – С. 481 – 486.
8. Мюнклер Г. Тероризм як стратегія комунікації // *Ї: Незалежний культурологічний часопис*. – Львів, 2002. – №25: "Насильство. Влада. Терор". – С. 205 – 213.
9. Волова Л.А. Коммуникативная фильтрация объективной действительности как механизм ремифологизации социума // *Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини*. – 2002. – Вип. 9. – С. 90 – 95.
10. Шепелев М.А. Роль інформаційно-психологічних технологій в формуванні неототалитарних режимів в сучасному світі // *Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина української держави: Збірник наукових праць*. – К., 2001. – Вип. 3. – С. 292 – 295.
11. Бодріяр Ж. В тіні мовчазної Більшості, чи Кінець соціального // *Ї: Незалежний культурологічний часопис*. – Львів, 2002. – №25: "Насильство. Влада. Терор". – С. 77 – 88.
12. Якуба О. Молодіжні рухи та їх базова типологізація // *Ї: Незалежний культурологічний часопис*. – Львів, 2002. – №24: "Покоління і молодіжні субкультури". – С. 127 – 134.
13. Кокун О.М. Исследование эффективности СМИ // *Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина української держави: Збірник наукових праць*. – К., 2001. – Вип. 3. – С. 241 – 243.

С.И. ПОДМАЗИН

СОЗНАНИЕ — ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

В философии сознание трактуется в основном как проблема человеческого бытия, как способ отображения проблемности общественного процесса, как явление, обеспечивающее связность человеческой истории и культуры. Сознание выступает в единстве своих общественных и индивидуальных «измерений». Способность человека соединять образ своей деятельности с образами различных социальных взаимодействий служит необходимым условием реализации социальных связей и, соответственно, общественной жизни. По сути, сознание фиксирует социальную связь в самом индивиду. Эта связь обнаруживается в нем как «сознание», т. е. как разделенное с другими людьми знание о необходимом содействии в воспроизводстве социального процесса. Она же выявляет социальную значимость существования индивида, его поведения, самобытного развития его сил.

Сознание человека, как особого рода его связь с миром, носит «нелинейный» характер. В нем сопрягаются различные отношения человека к людям, вещам, природе, подкрепленные разделенным характером деятельности, в которой он обособлен от людей и зависим от них. Сама эта способность сочетать разнообразные — явные и скрытые — связи оказывается невидимым «центром» сознания. Сформированность этой способности обуславливает зрелость, «вменяемость» сознания. Ее деградация ведет к распаду сознания. В каждый момент времени сознание человека к чему-то привлечено, на чем-то зафиксировано. Оно само определяется, «раскрывается», проясняется в отношении к определенному предмету. Это — условие его нормальной работы. Вместе с тем такое до-определение сознания является

предметной конкретизацией человеческих сил, их развитости. Сознание фиксирует отношение индивида к предмету, форме и качеству последнего как связь человека с другими людьми, деятельностями, им присущими.

Сознание можно определить, как способность человека оперировать информацией, образами социальных взаимодействий, действий с предметами, природных и культурных связей, отделенными от непосредственных контактов с людьми и актов деятельности, рассматривать эти образы в качестве условий, средств, ориентиров своего поведения.

Одно из наиболее признанных в отечественной науке исследований сознания предпринял А.Н. Леонтьев [4]. В своих работах он попытался раскрыть принцип целостности сознания на основании идей марксистской (несколько шире — немецкой классической) философии о центральном значении деятельности в развитии человека и общества. А.Н. Леонтьев сначала ввел дихотомию Объективный Мир — Деятельность, где именно Деятельность противопоставляет естественно-природному и стихийному, а вслед за этим он вводит дихотомию Деятельность — Сознание. Саму деятельность А.Н. Леонтьев рассматривает как то, что одновременно принадлежит объективному миру и миру субъективного, сознанию, то есть, является принципиально двойственным:

Сознание — Деятельность — Мир

Именно такое структурное место деятельности позволило А. Н. Леонтьеву построить знаменитую трехуровневую модель: мотив — деятельность; цель — действие; операция — условия, где левая часть каждой пары принадлежит миру субъекта, а правая — объекту [4].

За счет этих двух различий он получает и содержания сознания, которые структурируются самой деятельностью, и генезис сознания, который определяется характером становления и последующего овладения деятельностью. А.Н. Леонтьев последовательно пытается вывести сознание из деятельности, поскольку в марксистской философии одной из центральных характеристик человеческой деятельности признается ее целенаправленный и целеполагающий характер. Понятие цели становится одной из важнейших категорий, и именно в этом качестве А.Н. Леонтьев переносит ее в свою концепцию сознания. Самосознание вводится в структуру личности через понятие цели. Исходя из того, что вычленение отдельного этапа из целостного поведенческого акта является биологически бессмысленным и нецелесообразным, А.Н. Леонтьев вводит понятие цели как того конструкта, который снимает в себе противоречие между осуществляемым действием и потребностью. Поэтому цель определяется как осознанное отражение потребного будущего.

Далее А.Н. Леонтьев переходит к анализу следующей категории — категории орудия или средства, которая и становится реально ключевой для теории деятельности. В философии [3, 9, 13] детально проанализирован диалектический характер орудия (средства). Показано, что никакой предмет сам по себе не является средством, а становится таковым, если мы используем некоторые его объективные свойства для достижения определенной цели. Иными словами, средство всегда есть некая абстракция от реального предмета, возникающая на основе целевой идеи. В то же время, степень конкретности и реализуемости самой цели непосредственно зависит от наличия в сознании субъекта представления о необходимых средствах. Таким образом, целеполагание и целереализация связаны между собой отношением "средство-понятие" — "средство-предмет".

В культурном и психологическом планах средство представляет собой особую "склею", в которой удерживаются в единстве идея назначения предмета (для чего он создан) и способ его употребления в реально развертываемом действии. Но как возникает эта "склею" и какова ее функция в становлении сознания? Другими словами остается нераскрытым вопрос: «Как и почему возникло сознание»? В генетическом плане А.Н. Леонтьев строит чрезвычайно мощную и изящную конструкцию возникновения сознания.

В процессе коллективной деятельности всегда возникают ситуации необходимости совместного использования определенного орудия, ситуации необходимости передачи орудия от одного члена коллектива к другому. Это оказывается возможным, если указанная выше "склею" назначения и способа употребления будет "привязана" к самому предмету. Это означает, что орудие должно быть зафиксировано, по крайней мере, для данной конкретной общности людей,

как нечто объективное. Таким объективным в культуре есть знак и его значение. Поэтому знак и его значение становятся, по А.Н. Леонтьеву, первой образующей сознания.

Преобразование прежде целостных, нерасчлененных поведенческих актов на систему последовательных действий приводит к ряду важнейших психологических последствий. Выполнение отдельного действия самого по себе биологически бессмысленно, оно становится разумным только при его соотнесении с потребностями индивида и ожидаемым результатом всей коллективной деятельности. В такой ситуации индивид просто вынужден отвечать на вопросы, **почему** и **зачем** он выполняет то или иное действие. Иными словами, индивид должен определить для себя не только содержание цели, но **смысл** цели и выполняемого действия. Соотнесение цели действия с собственными потребностями и содержанием деятельности раскрывается в **смыслообразующих мотивах**, а соотнесение с коллективной целесообразностью — в **мотивах-стимулах**.

С другой стороны, коллективно-распределенный характер деятельности предполагает наличие закрепленных **функциональных** различий в отношении разных индивидов к общему процессу и результату деятельности. Иными словами, различие в позициях по отношению к общему процессу деятельности задает объективное различие в смысле самой деятельности для индивида. Кроме того, это показывает объективные основания последующей дифференциации типов и видов деятельности (включая сюда необходимость возникновения организации и управления), и индивидуальной специализации.

Это дает основание А.Н. Леонтьеву утверждать, что личностный смысл есть "**значение для себя**", осознание своего функционального места в структуре коллективной деятельности и отношение своих целей к потребностям и результатам деятельности. Поэтому **личностный смысл** становится, по А.Н. Леонтьеву, **второй образующей сознания**.

Деятельностное отношение к миру означает, что человек начинает воспринимать мир через призму отношения: цель — средство — результат (и не только предметы, но и людей). Причем не в метафорическом смысле "видеть", а это реальное изменение строения и особенностей самого перцептивного процесса — любое орудие (средство) есть, прежде всего, абстракция и обобщение. Предметный мир теряет свою непосредственность биологической связи с витальными потребностями организма и начинает отражаться в его объективных, то есть в опосредованных, абстрактных и обобщенных свойствах и качествах. Перцептивные процессы становятся высшими психическими функциями, которые характеризуются качествами опосредованности (апперцепция) и самоорганизации.

Поэтому восприятие и соответствующие образы-представления становятся, по А.Н. Леонтьеву, **третьей образующей сознания**.

Отечественный исследователь Ю.М. Швалб характеризует основные положения деятельностной концепции сознания следующим образом [12].

Во-первых, — А.Н. Леонтьев "погружает" сознание внутрь деятельности и по генезису, и по способу функционирования. Утверждается, что "сознание может казаться основой деятельности" [4, С.129], но реальная картина обратная.

Во-вторых, выстраиваются две генетические линии:

а) психический образ окружающего мира — осознание действий других и осознание своих действий. "Сознание-образ становится также сознанием-деятельностью" [4, с. 132];

б) слитное сознание трудового коллектива — индивидуальное сознание [там же].

В-третьих, выделяются три структурных элемента сознания:

а) чувственная ткань сознания, которая "придает реальность сознательной картине мира" [4, с. 134];

б) значения, выраженные в форме языковых значений;

в) личностный смысл, который "создает пристрастность человеческого сознания" [4, с. 153].

Данная концепция является внутренне достаточно непротиворечивой и хорошо операционализируемой в задачах конкретно-психологических исследований и практик, но с методологической и теоретической точек зрения приводит к ряду неразрешимых противоречий и редукций. "Существующая в рамках деятельностного подхода тенденция к сведению всех

отношений человека с миром к деятельностным при одновременном полагании единства сознания и деятельности (и рассмотрение сознания как производного деятельности) ведет к редукции сознания (и даже психики), к совокупности психических деятельностей" [1, с. 59].

Сознание предстает только в функции отражения и полностью теряет свою активную, порождающую функцию. В.П. Зинченко очень точно замечает: "Пока оно (сознание)внутри деятельности, внутри бытия, оно как-то адаптируется к ним. Его рефлексивные функции ограничены, хотя возможность оценки, конечно, сохраняется. Однако оценки, делаемые изнутри, всегда лукавы. Привязанное к бытию сознание неспособно признавать его — бытия — принципиальную нелепость, абсурдность, оно склонно искать его оправдание, а, значит, и самооправдание во временных трудностях, во внешних силах, в воле обстоятельств, чьих-то происках и т.п. Оно не видит и собственной немоготы, а значит само не может стать предметом сознания. Механизм саморефлексии не формируется, а, следовательно, и бытие не выступает предметом осознания полноценного автономного сознания. Такое неосознанное бытие оказывается всего лишь существованием, хотя последнее, может быть, и не лишено приятности. Сознание не может стать «участным в бытии». Поступок низводится до уровня биологического и технологического акта. **Личность "выпадает в осадок"**. Как это ни парадоксально, но сознание, инкапсулированное в деятельность, не поднимает ее до себя, так как оно само в ней, а деформирует и разрушает ее. А это не проходит бесследно и для самого сознания. Оно не столько ищет себя, сколько бежит себя" [2, с. 153].

Действительно, концепция А.Н. Леонтьева исключает из исследования собственные закономерности и специфические детерминанты развития сознания: 1) активизм, спонтанность, саморазвитие, самодетерминацию, саморегуляцию, понимание активного характера формирования значений; 2) оставляет за пределами исследования функциональный, феноменологический анализ сознания; 3) проблему ценностей, которые редуцируются до личностного смысла; 4) проблему исследования аффективно-смысловых образований человеческого сознания, существующих в обществе вне сознания индивидуального.

И, что еще более важно, — определяя основу сознания через "чувственную ткань", понятую как совокупность восприятий, мы, конечно же, обеспечиваем предметность сознания, но при последовательном развертывании этого тезиса с необходимостью приходим к редукции всего сознания к памяти.

В ином направлении развивал теорию С.Л. Рубинштейн в 30-40-е годы [7], который выделил в структуре сознания два компонента. С одной стороны, сознание определялось через познавательную функцию, но только как отражение действительности. "Сознание»- это осознание бытия... Сознание, теоретическое сознание человека в его специфическом отличии от психики вообще — это облеченный в форму слова, то есть имеющий то же строение, что и речь, опосредствованный общественными отношениями познавательный снаряд, включенный в бытие и обращенный на него" [7].

С другой стороны, выделяется "практическое сознание", которое есть отношение индивида к бытию. "Сознание — это не только отражение, но и отношение, не только познание, но и оценка" [там же, с. 1501].

С.Л. Рубинштейн выделяет четыре типа отношений человека к миру: познавательное, эстетическое, этическое и действенное. По отношению к эстетическому и этическому вводится принципиально новый элемент в структуре сознания — созерцание. Причем созерцательность вводится им в разделе "Онтология человеческой жизни" [8, с. 255-385], то есть не в функции познавательного средства, а в функции действенного объекта. "Такому прагматическому изничтожению действительности (имеется в виду "утрирование роли деятельности") нужно противопоставлять другое соотношение человека и бытия — приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание — созерцание... Эта созерцательность... есть (в соотношении с действием, производством) другой способ отношения человека к миру... Величие человека, его активность проявляются не только в деятельности, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию" /Рубинштейн С.Л. Человек и мир// Проблемы общей психологии. —М.: Педагогика, 1973., с. 343/.

Этическое отношение выводится из эстетического и определяется как "одухотворение", противостоящее утилитарно-прагматическому и целевому. "Элемент созерцания, восприятия того, что есть на самом деле... является основой этического отношения одного человека к другому. Основой этого отношения является не использование человека как средства для достижения той или иной цели, а признание его существования как такового" [8, с. 349].

Таким образом, С.Л. Рубинштейн выделяет три структурные элемента сознания: познание, осуществляющееся через речевое мышление; созерцание, определяющее постижение мира; действие, выраженное через систему знаний и представлений. Причем **созерцание явно оказывается ведущей функцией сознания**, так как обеспечивает осмысленность и одухотворенность отношения человека к миру. Очень важным является еще один "поворот" в данной концепции сознания. С.Л. Рубинштейн выделяет два слоя сознания через способ существования человека. "Первый — жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек... Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом... Второй способ существования связан с появлением рефлексии" [8, с. 351]. Это различие обыденного и рефлексивного слоев или типов сознания в сочетании с тремя структурными компонентами образует сложную композиционную схему. Однако она оказывается оторванной от системы мотивов и эмоций, а также от собственно волевого поведения личности. Поэтому несмотря на прогресс который мы видим в работах С.Л.Рубинштейна, а потом В.П. Зинченко, О.В. Гордеевой, В.П. Иванова, Н.Н. Трубникова, А.И. Яценко и других. Таким образом, проблема возрождения личности «из осадка» сегодня является чрезвычайно важной проблемой.

Преодолевая ограничения деятельностной концепции сознания, идею порождающего сознания развивает Ю.М. Швалб [12, с. 27], который строит свою модель сознания:

Ситуация — Сознание — Культура.

С данной точки зрения сознания, культура есть ни чем другим, как зафиксированное и такое, что приобрело качества к трансляции, содержание сознания Таким образом, формы культуры и формы которые обнаруживаются содержанием сознания есть фактически одним и тем же.

Ю.М. Швалб описывает сознание в следующих главных положениях [12, с. 22]:

1. Сознание является инстанцией, отражающей мир и, одновременно, порождающей мир. Отражение и порождение являются двумя основными функциями сознания, или отношениями, связывающими сознание человека и мир.

2. Сознание есть некая целостность, но не как "пустое" пространство, которое по мере жизни человека заполняется идеями, знаниями, представлениями, образами, переживаниями и т.п. Сознание есть внутренне дифференцированная, структурно и композиционно оформленная целостность.

3. Сознанию должны быть имманентны некоторые процессы, образующие его психологическую структуру. Структурные элементы должны быть таковыми, чтобы они могли образовывать различные композиционные организованности. Эти композиционные организованности должны обладать возможностью потенциально бесконечного изменения как в сторону усложнения содержания сознания, так и его опрощения.

4. Сознание в целом и каждый его структурный элемент должны обладать возможностью трансформации содержания и отвечать принципу спонтанности.

5. Теория сознания должна обладать объяснительным потенциалом: от высших форм личностного поступка и произведения до обыденного поведения.

Итак, общая последовательность движения от культуры к сознанию может быть выражена следующим образом: пространство культуры — социальное управление — ценности — учебная деятельность — культурные образцы — принятие — предмет — трансформация — содержания сознания (модели, метафоры символы). Причем процессы от пространства культуры до культурного образца можно определить как **выразительные**, а от культурного образца до содержания сознания как **трансляция**.

Если исходить из того, что Сознание является не только отражающей, но и порождающей инстанцией, то закономерно встает вопрос о том, что же именно оно отражает и что порождает.

В философской традиции Сознанию противостоит Мир. Причем один и тот же Мир противостоит и отражающему, и порождающему сознанию.

Но что именно способно отобразить наше сознание из бесконечного разнообразия Мира?

Индивидуальному сознанию никогда не приходится сталкиваться с Миром как таковым. Каждый раз разнообразный и бесконечно изменчивый Мир представлен индивиду в своих частных и фрагментарных проявлениях, которые нужно каким-то образом "остановить", "ухватить", "структурировать" в нечто относительно устойчивое [12 с. 23].

Универсальной формой такой представленности Мира есть Ситуация, и с этой точки зрения можно говорить, что Индивид живет в Ситуациях, и значит антитезой отображающего Сознания является Ситуация.

С точки зрения Ситуации, все содержание сознания есть ни что иное, как отображение (и, конечно же, обобщение) совокупности жизненных ситуаций индивида. Если какие-то ситуации не отображаются в сознании индивида, не входят в структуру его жизненного опыта, то не возникают и соответствующие компоненты сознания.

С точки зрения Сознания, ситуация есть ни что иное, как конкретные условия существования, структурированные в соответствии с содержанием представлений сознания. Организованности сознания "накладываются" на элементы внешнего мира, структурируя и организуя их во внутренне связанные и относительно целостные ситуации, имеющие свои временные и предметные рамки. Если в сознании отсутствуют представления, адекватные каким-либо фрагментам ситуации, то эти фрагменты либо вообще не воспринимаются, либо маркируются как то, "чего не может быть никогда".

Таким образом, и Ситуация, и Сознание должны подчиняться некоторому общему закону или принципу. Таким принципом является **принцип организованности**, который предполагает структурированность элементов, их относительную внутреннюю непротиворечивость, функциональную целостность и пространственно-временную ограниченность. Две организованности могут вступать в отношения взаимозависимости и взаимоотображения, а мера такой дихотомии задается отношением истинности и отношением адекватности.

В методологическом плане адекватность означает качественную характеристику отношения между двумя системами — это всегда определенное состояние систем.

На уровне человека принцип адекватности реализуется через возможность регуляции элементов обеих систем: и условий Ситуации, и себя самого как Субъекта. Именно сознание оказывается той **«действенной»** инстанцией, в которой можно "ухватить" и регулировать во **взаимодействии** две системы одновременно [12, с.26].

Анализируя порождающую способность сознания, мы задаемся вопросом: что именно способно породить наше сознание для бесконечного разнообразия Мира?

Самый общий ответ, что Сознание порождает Мир, является опять-таки неточным и весьма обманчивым, так как это приводит к субъективистскому и, в общем-то, примитивному утверждению, что "мир есть таким, каким я его себе представляю". Человек, наверное, никогда не сталкивается с "Миром как таковым" — это только философская абстракция, он всегда имеет дело с Миром, остановленным и запечатленным в формах и категориях Культуры, причем независимо от того, какие именно определения культуры мы принимаем. Это дает основание утверждать, что исходной антитезой порождающего сознания является отношение: Сознание — Культура.

Личность через целеполагающее сознание получает возможность деятельностной реализации своих отношений к миру.

Целеполагание, таким образом, выступает психологическим условием и начальным звеном развертывания деятельности. Целеполагание обладает процессуальными характеристиками, но не рядоположено таким психическим процессам, как восприятие, память или оценивание, оно приводит к **означиванию** предмета как культуросообразного, и он становится еще одним элементом культурного пространства. Иными словами, смысловой объект через оценивание обретает **культурное значение**" [12, с.30].

Весьма существенным, с точки зрения данного подхода, является тот факт, что культура не имеет собственных процессов, то есть она не имеет естественных механизмов существования и

развития. Культура является чисто искусственным образованием, и механизмы ее возникновения, развития и функционирования тождественны таковым механизмам сознания. Культура живет в индивидуальном и общественном сознании и умирает вместе с ними.

В то же время целеполагание не является единственной функцией сознания, существуют иные, не-целеполагающие формы поведения и существования личности, которые также являются осознанными.

С точки зрения Культуры, все формы сознания (индивидуального и группового) есть конечный продукт процесса трансляции культуры. Если те или иные формы культуры никак не проявлены и не транслируются, то есть не включаются в живые деятельности реальных людей, то эти формы становятся "мертвыми" компонентами культуры.

С точки зрения Сознания, культура есть ни что иное, как зафиксированные и приобретенные способность к трансляции содержания сознания. Если содержания сознания никак не выражаются вовне, то такое инкапсулированное сознание никак не может быть опознано и описано — оно становится принципиально недоступным другому сознанию и превращается в чистую субъективность. Формы Культуры и выразительные содержания Сознания фактически есть одно и то же. И Культура, и Сознание существуют по общим принципам выразительности и транслируемости [12, с.27].

Важным здесь является то, что и ситуация, и культура не являются самостоятельными сущностями, а являются иными формами человеческого Мира и только в рамках научной абстракции можно расслаивать мир на эти две противоположности. Другими словами, они есть разные формы представленности человеку одного и того же мира его жизни. Для конкретного индивида мир может быть представлен либо в ситуативных формах культуры, либо в культуросообразных ситуациях.

Поэтому, — как полагает Ю.М. Швалб, — можно предположить, что теоретическая модель сознания может строиться как двухслойная, то есть состоять из двух частных моделей — модели порождающего сознания и модели отображающего сознания [12, с.27-28]. При этом генетической основой отображающего сознания выступает деятельность, а генетической основой порождающего сознания выступает созерцание.

Преломляя приведенный выше анализ современных представлений о сознании в плоскость образования, мы опираемся на исходное (по Ю.М. Швалбу) представление о том, что содержания или формы культуры не могут автоматически становиться содержаниями сознания, и все содержания культуры только потенциально могут стать содержаниями индивидуального сознания, но реально человек присваивает только определенные фрагменты культуры. Универсальным социокультурным механизмом "перевода" форм культуры в содержания сознания (или, что то же самое, формирование сознания) являются все формы учебной деятельности. Для того, чтобы этот процесс перехода осуществился, необходимо включить особый механизм «перевода», который принято определять как процесс личностного **принятия** [Там же с.32]:

1. Только в процессе принятия внешне положенный объект становится предметом деятельности субъекта, т.е. ученик осваивает не любые репрезентированные ему нормы и образцы культуры, а только те, которые он принимает как предмет усвоения.

2. Процесс принятия вызывает проблему адекватности принятого принимаемому. В разных системах (формах) учебной деятельности она может переформулироваться как проблема правильности, точности, полноты и т.п., но, независимо от этого сам, процесс порождает особый тип действий, направленных на сравнение образца и продукта принятия (функция контроля).

3. Процесс принятия всегда приводит к определенной **трансформации** принимаемого содержания. Образцы культуры, транслируемые в учебной деятельности как нормы **построения деятельностей**,

в процессе принятия трансформируются в мыслительные схемы, модели, образные метафоры и смысловые символы, которые и становятся основным содержанием сознания субъектной деятельности.

Однако далеко не всякое содержание сознания обладает порождающим потенциалом. Таким потенциалом, по-видимому, могут обладать только те содержания сознания, которые воспроизводятся в самом же сознании через механизмы учебной деятельности.

Порождающим потенциалом обладают только новые мысли, мыслительные модели, образные метафоры и смысловые символы.

Порождающее сознание, возникающее на поверхности океана созерцания человеком данной ему действительности, инициирует активно-преобразующее поведение, которое имеет ряд важных характеристик.

Во-первых, активно-преобразующее поведение отличается высоким уровнем **планирования**. При этом надо учитывать, что каждое реальное действие **непосредственно приводит к изменению ситуации**, а поэтому план должен фиксировать не саму по себе последовательность действий, а последовательность с учетом текущих изменений, вносимых самим действием. Поэтому он строится по принципу "если — то", и является, фактически, прогностическим планом, соединяющим в себе элементы прогнозирования изменений и планирования действий".

Во-вторых, осуществление такого поведения предполагает наличие постоянного контроля изменений ситуации. Такой контроль строится на соотнесении плана действий и реально происходящих изменений в ситуации, то есть, по сути, это контроль "над ситуацией". Он обеспечивает текущую корректировку образа ситуации и понимание причин происходящих изменений.

В-третьих, поведение рассматривается субъектом как источник (причина, фактор и т.п.) изменения ситуации, что приводит к возникновению чувства управляемости ситуацией. Это ставит человека над ситуацией и дает ему возможность чувствовать себя субъектом жизнедеятельности в целом, а не только в узком деятельностном понимании.

Активное преобразующее поведение разворачивается до тех пор, пока в пространстве ситуации не возникает тот предмет, который соответствует целевому конструкту, когда субъект считает, что "цель достигнута".

Таким образом, активное освоение-порождение ситуации сознанием разворачивается в следующей логике: созерцание и (или) деятельность — переживание чувства нужды — проблематизация (постановка вопроса о действовании) — построение образа ситуации — выделение в образе предметной цели — оценка целесообразности — принятие решения — построение плана действия — преобразование ситуации — достижение предмета-цели.

На наш взгляд, модель, предложенная Ю.М. Швабом значительно расширяя прежние модели, также не достигает границ, которые возможно расширить опираясь на современные достижения философии и науки.

Прежде всего следует вспомнить, очень перспективную диспозиционную теорию поведения, разработанную Д.М. Узнадзе, краеугольным камнем которой была глубокая интеграция "врожденной почвы" и "приобретенного опыта" личности.

Основным концептом диспозиционной теории Узнадзе была установка — предсуществующая готовность субъекта определенным образом воспринять определенную ситуацию, оценить ее и действовать в ней.

Особенностями установки как некоторого специфического целостного состояния субъекта, по Д.М. Узнадзе, есть следующее [10, с. 25]:

1) установка опережает появление определенных фактов сознания или им предшествует, установка, не будучи частью сознания, все таки есть своеобразной тенденцией к определенным содержаниям сознания;

2) установка является моментом динамической определенности содержания внутренней и внешней деятельности субъекта;

3) установка выступает как основа целостной направленности содержания сознания субъекта на определенную активность.

Таким образом, в чрезвычайно необходимо различие, с одной стороны, установки, а с другой, — конкретного содержания сознания, которое возникает на ее основе.

"Установка, — пишет Д.М. Узнадзе, — является основным регуляторным механизмом

поведения человека, определяя его направленность и выборочную активность, именно поэтому установка выступает главным регулятором поведения личности, возникая каждый раз при взаимодействии потребностей человека, его возможностей и наличной ситуации [10, с. 68].

Готовность субъекта действовать в соответствии с определенной установкой не является одинаковой, а зависит, с одной стороны, от степени ее прочности, которая измеряется количеством повторяемых ситуаций, а с другой, — высокой личностной значимостью (например установка на безусловное лидерство в любой группе).

Тогда установка становится очень легко возбудимой и возникает в условиях влияния неадекватных по отношению к ситуации ее возникновения ситуаций. Другими словами, она начинает актуализироваться в самих разных ситуациях, вызывая неадекватность поведения личности.

Согласно представлениям Узнадзе, подавляющая часть нашего поведения имеет установочный характер и только в ситуации “несрабатывания” установки может происходить “объективация” — остановка потока сознания и фиксация его на проблемной ситуации с целью нахождения оптимальных алгоритмов ее разрешения.

Мы полагаем, что только ситуация “объективации” есть моментом действительного “пробуждения” сознания, которое в обычном состоянии “скользит” по “мосткам” многочисленных установок сформированных личностью в процессе жизненного опыта, минимизируя открытость личности для нового опыта.

Проблема соотношения сознательного и бессознательного находится сейчас на острие научных исследований. Так, в современной психологии утверждается идея единого континуума становления сознательного. В экспериментах доказано, что видимая физическая потеря сознания, при отсутствии какого бы то ни было поведенческого реагирования, иногда может сопровождаться как неявным, так и явным осознанием происходящего. [11, с. 77].

Более того, есть все основания полагать, что процессы и содержания психики, в норме остающиеся неосознаваемыми и фоновыми, превращаются в некую форму сознания, которая отличается от широко известного в науке сознания, основанного на речи - и происходит от установки, близко родственной медитативному и эстетическому сознанию [там же, с. 82].

В результате проведенного анализа мы приходим к следующим выводам:

1. Личность (и ее сознание) и культура существуют в границах Природы, и никак иначе существовать не могут (см. Схему 3);
2. Ситуация всегда вмещает в себя внешние и внутренние, по отношению к личности, природно-культурные детерминанты. Иначе говоря, ситуации, которые порождают какую-либо активность личности, в том числе и сознательную активность, всегда вмещают в себя факторы природы человека и непосредственно окружающей его природы;
3. Потеря природосоответствия личностью и культурой обязательно завершается их разрушением.

Схема 3

Информационно-интегрирующая модель сознания

Решение определенных ситуаций личностью может происходить по разному:

- 1) реализация установки, если осознание не предшествует поведению личности, то характер ее дальнейшего поведения ей «объясняет» установка — готовность определенным образом воспринять, оценить ситуацию и действовать в ней (установочная деятельность);

2) рациональный выбор средств, которые уже полностью представлены в существующей культуре (деятельность по образцу);

3) креативный поиск новых средств через призму существующей культуры (инновационная деятельность);

4) креативный поиск новых средств на основе существующей культуры через созерцание и изучение Природы (творческая деятельность).

Наша модель функционирования сознания начинается и завершается Природой, которая “требует” от культуры природосоответствия. Если культура теряет необходимую меру природосоответствия то она гибнет. В то же время ткань природы не дается личности непосредственно, а не иначе как через призму культуры.

Таким образом, деятельность не порождает сознание непосредственно. Деятельность обнаруживается как универсальный способ выражения содержаний сознания в формах культуры и, в то же время, механизмом преобразования форм культуры в универсалии содержаний сознания как его дискретных составных. Содержания сознания существуют довольно отдельно одно от одного. На каждый конкретный момент сознания актуализировано небольшое количество содержаний (от одного до 5-7). Только работа психики – поиск и актуализация содержаний из глубин несознательного и построение из этих содержаний целостного образа обеспечивает то, что называют сознанием. Как неотъемлемая часть психики, сознание актуализирует и регулирует процесс порождения, сохранения и развития себя самого. Сознание, таким образом, одновременно «теряет» и «находит» себя. Только так можно объяснить сущность многих психических болезней, которые возникают как реакция на психическую травму, и при которых структура мозга остается неповрежденной – неврозы, депрессии, реактивные психозы. Фиксация сознания на травмирующей ситуации, постоянное циклическое осознание и «переживание заново» факта травмы отвлекает сознание от процесса постоянного самообновления, что и приводит к его дезинтеграции.

Сознание — это нечто неотделимое от нас и одновременно такое, что все время теряется. Когда мы засыпаем, сознание исчезает, растворяясь в глубинах нашей души, когда мы пробуждаемся, мы можем созерцать феномен пробуждения нашего сознания как растерянность, «разобранность» преодолевая которую мы пробуждаем, собираем его по частям. При этом иногда это происходит совершенно спонтанно, а иногда требует ощутимых усилий по интеграции своего «Я-в-мире».

Интеграцию Я «встраивание» нашей личности в действительность – начинается от «простого» определения: кто Я?, где Я?, зачем Я? (что мы можем и не заметить) и продолжается созданием образа ближайшего и (или) отдаленного будущего, осознание которых обязательно актуализирует воспоминания о прошлом. «Собравшись», «пробудившись», сознание воспринимается личностью как непрерывный поток, который она, как правило, не замечает поскольку созерцает мир «сквозь» сознание, если только сама не превратит собственное сознание в предмет наблюдения и изучения.

При этом есть все основания полагать, что перцептивно-этическая форма сознания не прерывает своего потока никогда, являясь основой «пробуждения» речевого сознания [11, с. 77].

Проанализировав изложенные выше подходы, мы приходим к важному для нас выводу о том, что именно интеграционная функция сознания – интеграция нашей личности как целого, интеграция нашей личности в действительность является основной задачей сознания. С этого начинается и этим завершается любая его активность.

Поскольку связь или интеграция личности с собой и иным происходит в теле непрерывного потока сознания, то новые явления, на которых сознание первоначально фиксировалось, становятся привычными, опрощаются и заменяются символами. С одной стороны, это упрощает работу сознания по освоению нового, но, с другой стороны, возникает опасность «скольжения» сознания по действительности, это приводит к игнорированию личностью многих, в том числе и очень важных «сигналов» действительности. Как результат происходит дезинтеграция личности.

Все это делает проблемы сознания очень актуальными для исследования.

Важнейшим методологическим и праксеологическим аспектом проведенного анализа является возвращение в лоно сознания созерцания как основы преобразующе-творческой деятельности личности.

Созерцание в данном контексте можно определить как эмпирическое, непонятное, нерациональное постижение действительности, с одной стороны, и непосредственное постижение нечувственных значений, идей, ценностей, действительных вещей, с другой.

Хосе Ортега-и-Гассет, анализируя понятие "наша жизнь" (жизнь сознания –П.С.), выделяет в нем два органа или образования — созерцание и действие. Весьма существенно, что, опираясь на это различие, автор утверждает, что "наука сводится к символам" [5, с. 20-21], которые находятся созерцанием и существуют в созерцании. Углубляя идею противостояния принципа созерцания и принципа деятельности, Х.Ортега-и-Гассет пишет: "Кругом говорят только о деятельности. Сеющие смятение демагоги, глашатаи смятения, погубившие уже не одну цивилизацию, будоражат людей, отвлекая их от размышлений, сгоняют их в толпы, чтобы не дать личности возможность заняться самоустронением, которое возможно только наедине с собой. Очерняя служение истине, они предлагают нам взамен **мифы**. Разжигая страсти, они добиваются того, что люди, сталкиваясь с ужасами жизни, приходят в **исступление**. Совершенно ясно, что поскольку человек — это животное, которому удалось уйти в себя, то человек в **исступленном состоянии**, постепенно опускаясь, нисходит до животного уровня. Подобное (зрелище всегда являют эпохи, обожествляющие чистую деятельность. Сам воздух начинает дышать преступлением. Человеческая жизнь теряет смысл и ценность; повсюду творятся насилия и грабеж. Прежде всего, грабеж. Поэтому, когда на горизонте возникает могучий силуэт деятеля, первым делом не забудьте проверить карманы... После нарушения естественной связи с созерцанием и самоуглубленностью **чистая деятельность** способна вызвать лишь цепную — или, скорее, сорвавшуюся с цепи — реакцию разного рода безрассудных действий» [6, с. 250].

Таким образом, можно констатировать две очевидных актуальности в сфере исследования сознания. Во-первых, — это необходимость построения новой, адекватной достижениям современной науки философской концепции сознания, и во-вторых, — необходимость «переноса» уже известного в теории сознания в практику, прежде всего в практику образования. Сегодня очевидно, что развитие порождающего сознания личности основанного на созерцании (что было, практически, исключено из отечественной науки и педагогической практики, не менее важно в ее становлении, чем развитие адаптивного сознания основанного на деятельности).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева О.В. Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания (на материале работ А.Н. Леонтьева. / Вопросы психологии, 1998, №5.
2. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994. – 304 с.
3. Иванов В.П. Мировоззренческие проблемы эволюции природы и становления человеческого мира// Человек и мир (Категория «человек» и «мир» в системе научного мировоззрения). – К.: Наукова Думка, 1977. – С.29-98;
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.—304 с
5. Ортега-и-Гассет Х. Почему мы вновь пришли к философии// Дегуманизация искусства. –М.: Радуга, 1991., с. 20-21
6. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди// Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991
7. Рубинштейн С.Л. Пути и достижения советской психологии. О сознании и деятельности человека// Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир// Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973

9. Трубников Н.Н. О категории «цель», «средство», «результат». — М.: Высшая школа, 1967.
10. Узнадзе Д.Н. Психология установки. — СПб.: Питер, 2001.
11. Хант Г.Т. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения./ пер. с англ.. — М.: ООО “Издательство АСТ”, 2004.
12. Швалб Ю.М. Целеполагающее сознание (психологические модели и исследования). — К.: Миллениум, 2003.
13. Яценко А.И. Целеполагание и идеалы. — К.: Наукова думка, 1977.

Г.В. ВОРОНОВА

ЖИТТЄДІЯЛЬНІСТЬ: СУТНІСТЬ І ЗМІСТ

Досягнення біологічної науки останніх десятиріч, проникнення біологів у глибини життя значно актуалізували пошук відповідей на питання: що ж, в решті-решт, є життя як таке? В чому полягає сутність людського життя? Які загальні риси притаманні останньому і яка специфіка його відрізняє? Пошук відповідей на ці питання, які ведуть як представники різних галузей, так і філософи, пов'язаний з поняттям “життєдіяльність”, навколо якого він, власне кажучи, в основному і концентрується.

Здавалось би, серйозних складнощів тут не повинно бути. Адже феномен, що позначається поняттям “життєдіяльність”, виступає у якості прояву явища, що позначається родовим по відношенню до нього поняттям “діяльність”, а це останнє вже давно знаходиться в центрі уваги дослідників. Зазначена обставина дає підстави сподіватися, що принаймні загальні риси, що характеризують як феномен діяльності, так і феномен життєдіяльності, вже відомі. Але, як свідчить аналіз, на жаль, це далеко не так.

“Здається, - визнають дослідники, що цікавляться проблемою діяльності, - ми переживаємо своєрідний “діяльніцькій” бум. Виходить багато книг та статей (за проблемами... методології наукового пізнання, соціології, теорії культури, психології і т.ін.), в яких висвітлюється важливість принципу діяльності, про необхідність діяльніцького підходу, часом проголошується ідея “загальної теорії діяльності”. Однак більш детальне знайомство з низкою творів, спеціально присвячених проблематиці діяльності, розчаровує. Справа в тому, що розмови про діяльність не завжди відкривають нові горизонти в розумінні феноменів, що досліджуються...” [1, 5].

Справа в тому, що і по цей час дослідники не мають єдиної думки щодо змісту поняття “діяльність”. У “Філософському словнику”, що свого часу вийшов за редакцією В.І.Шинкарука, діяльність трактується як “суттєва визначеність способу буття людини в світі, здатність її вносити в дійсність зміни, опосередковані ідеальним” [2, 146]. У “Філософському енциклопедичному словнику”, що вийшов у 2002 році у Києві, цей феномен тлумачиться “як форма активності, що характеризує здатність людини чи пов'язаних з нею систем бути причиною змін у бутті” [3, 163]. Автори ж московського видання “Філософського енциклопедичного словаря” очевидно вважаючи що поняття “діяльність” не відноситься до числа найбільш важливих, зовсім обходять його увагою [4]. Виходить, раз немає поняття, то не існує й проблем, пов'язаних як з ним самим, так і з феноменом, що ним позначається?

А вони ж все таки існують. Існують, бо залишаються невизначеними питання, які потребують відповіді. Першим серед цих питань є таке: яку сторону реального буття відбиває поняття “діяльність”? Відповідь на нього спробуємо одержати, здійснивши аналіз генези цього поняття.

Як відомо, у якості світоглядного принципу поняття діяльності веде своє становлення починаючи з німецької класичної філософії. Це пов'язано з тим, що у європейській культурі формується нова концепція особистості, що характеризується раціональністю, багатоманітними напрямками активності і ініціативи. І.Кант робить перші кроки до формування такої світоглядної точки зору, а Й.Г.Фіхте вперше зводить діяльність у ранг